
Н. И. ВОРОБЬЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Журнал «Советская этнография», печатая статью П. И. Кушнера «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства», весьма своевременно организует обсуждение одного из важнейших вопросов советской этнографии. Уточнить вопрос о самом объекте изучения, разработать правильную методику сбора и обработки материалов необходимо как можно скорее. Жизнь идет вперед; построенное в нашей стране социалистическое общество в своем развитии быстро движется к переходу в общество коммунистическое; происходит интенсивная перестройка быта советских народов. Советская наука не имеет права отставать от жизни. Необходимо не только хорошо фиксировать процессы изменения в быту колхозного крестьянства, но глубоко анализировать происходящие перемены, выяснять пути строительства социалистического быта отдельных народов, выявлять перспективы дальнейшего развития этого быта, помогать строить его, а не только регистрировать уже создавшееся.

Социалистическая культура советских народов, а стало быть и их быт, создаются национальными по форме. Национальные особенности всей культуры в целом и быта как ее части не уничтожаются, а продолжают существовать и развиваться. Если в прошлом деревня, живя более замкнутой жизнью, являлась создателем и хранителем национальных традиций в быту, то это в той или иной степени остается и в настоящее время. Национальные формы социалистического быта обычно создаются в деревне, где сильнее национальные традиции, в том числе и хорошие традиции, которые в переосмысленном виде входят в социалистический быт и имеют все данные для длительного сохранения в нем. Если в условиях городов и рабочих поселков происходит быстрое нивелирование бытовых форм под влиянием быта, сложившегося в наших советских городах, то в деревне этот процесс идет медленнее, здесь дольше сохраняются веками сложившиеся национальные формы, удерживаются наиболее ценные, приспособленные к жизни данного народа традиции.

Изучение социалистического быта рабочего населения городов и поселков при предприятиях необходимо организовать как можно скорее, разработав для этого соответствующие методы, но одновременно надо продолжать исследование быта сельского населения различных национальностей, изменив методику исследования, приспособив ее к изучению нового советского колхозного крестьянства, так резко отличающегося по своей идеологии от разрозненного крестьянства прошлого.

Ознакомившись со статьей П. И. Кушнера и соглашаясь с большинством положений, изложенных в ней, нам бы хотелось высказать ряд соображений по данному вопросу, явившихся у нас в результате длительной работы по изучению как старого крестьянства (до коллективизации), так и современного — колхозного.

Прежде всего мы полностью согласны, что изучать этнографу надо в колхоз, а быт населения того поселка (села, деревни, аула и т. д.), где данный колхоз расположен. Подмена изучения социалистического быта колхозников изучением колхозного производства неудачна и не дает результатов. Этнограф не может изучать как следует технику и экономику колхозного хозяйства, а стараясь это сделать, он плохо изучает быт колхозников и вообще населения данного поселка. Но в то же время этнограф не имеет права отказываться от изучения колхоза, как хозяйственного объединения основной массы населения поселка. Колхоз прежде всего создает экономическую базу современного крестьянства, без которой немислимо оформление его быта. Одновременно он, по-новому организуя труд, создает новые социалистические трудовые привычки, дисциплинирует колхозников, в целом перевоспитывает их, приливает на место старого мелкособственнического мировоззрения социалистическое сознание. Колхоз и социалистическую организацию труда в нем изучать необходимо, но надо все время помнить о колхознике, о влиянии колхоза на его сознание, а через него и на быт, а не ставить изучение производства и экономики колхоза как самоцель. Колхоз это только фон, правда, основной, для исследования перестройки всего быта на социалистических началах, а главной задачей этнографа является изучение и осмысление именно быта народов в его национальной специфике.

На этнографическом совещании 1951 г. большие споры разгорелись вокруг того, как изучать социалистический быт колхозной деревни — монографически или тематически. Необходимо сказать, что оба подхода хороши, если правильно организовать исследования, но в то же время оба они имеют и свои недостатки. Монографические исследования многосторонни. Они требуют более серьезной подготовки исследователя, но на практике чаще всего не одинаково охватывают все стороны быта. Обычно каждый исследователь имеет свои «любимые» вопросы и на остальное, естественно, обращает мало внимания, как бы считая это второстепенным. А ведь в быту нет второстепенного, все имеет свое место и должно быть изучено достаточно тщательно. Тематические исследования несомненно глубже, но иногда они ведут к искусственному вырыванию какого-либо элемента из всего бытового комплекса, изолируют его, мешая тем самым пониманию его развития. При тематических исследованиях все равно надо изучать весь быт в целом, только ставя в центр изучаемую бытовую форму или элемент.

При монографических исследованиях в большинстве случаев принято изучать один и при этом наиболее передовой колхоз, не обращая внимания на то, что делается рядом, за границами его земельной площади. С одной стороны, такой выбор объекта правилен, ибо хороший колхоз сильнее действует на быт населения, чем отстающий, но с другой — это слишком суживает изучение быта, слишком много придает значения влиянию именно данного колхоза, мешает обращать внимание на то общее, что производит перековку сознания людей и их быта в данной местности, у данного народа. Кроме того, не плохо бы одновременно с передовым изучить хотя бы один близко расположенный отстающий колхоз, ознакомиться не только с тем, что ведет вперед, но и с тем, что тормозит перестройку сознания колхозников, что мешает отстающему колхозу подняться и оказывать такое же благотворное действие на своих членов.

При изучении быта населения всегда выделяются своеобразные этнографические районы (можно их назвать и как-либо по-другому), в пределах которых население более тесно сближается между собой, имеет большую бытовую общность. Центрами подобных районов в условиях капиталистического периода чаще всего являлись базары. Население одного базарного района чаще общалось, устанавливались

дружественные отношения, которые затем через браки переходили в родственные. Исследования показывают, что в массе браки заключались раньше именно в пределах данных районов. В некоторых местах то же место занимал приход и т. п. Иногда такие районы складывались под влиянием пережитков каких-то древних родственных отношений. Так, у татар Заказанья до Великой Октябрьской социалистической революции сохранялись своеобразные округа, население которых совместно праздновало древний народный праздник дженен. Этот праздник являлся пережитком подобного же праздника, существовавшего у кочевых башкир, на который собирались в недалеком прошлом члены определенных родов и здесь совместно решали общеродовые дела. Население отдельных джененных округов у татар стояло ближе друг к другу, чем к людям из других таких же округов.

В настоящее время подобные районы также сохраняются. Их центрами нередко являются административные центры, а иногда, как и прежде, базары.

В этнографических районах быт населения близок, бытовые формы одних поселений как бы дополняют таковые же в других. Большей частью каждый такой район имеет свою бытовую специфику, хотя бы немного отличающую его от других подобных районов, что имеет обычно совершенно определенные причины, отличные от таковых же других районов. Возьмем Агинско-Менгерский и Балтасинско-Ципьинский этнографические районы у татар того же Заказанья. Они имеют некоторые отличия в жилище, питании, местных промыслах и т. д. Причиной этого является более позднее заселение Балтасинско-Ципьинского района татарским населением, большей примесью отатарившегося коренного населения (марийцев и удмуртов) с пережитками их специфического быта. Иногда устанавливаются районы усиленного межнационального сближения. Так, например, близ северо-западной границы Чувашской АССР (Сундырский район) весьма часты смешанные браки с марийцами, что отражается в быту населения этого района, в западной части (Красночетаевский район) больше сближение с русскими, в юго-восточной части республики — с татарами и т. д.

Поэтому при монографическом исследовании необходимо изучать не один колхоз или поселок, как бы велик он ни был, а именно подобный этнографический район, установить который довольно легко путем предварительной разведки из намеченного центра изучения. Это несколько расширит объект изучения, лучше поможет установить типологию бытовых форм, выяснит причины их образования именно в таком виде, какой специфичен для района, поможет избежать придания слишком большого значения чисто местным и иногда случайным явлениям, имеющимся в том или ином поселке.

Монографические исследования удобнее всего вести небольшим коллективом в три-четыре человека. Тогда участники распределяют между собой отдельные стороны быта, согласно их склонностям и интересам, и дело пойдет значительно быстрее, а, главное, изучение будет равномернее и глубже. Но при этом работа всех членов коллектива должна вестись по единой программе, под одним руководством, строго согласованно. Исследователи должны как можно чаще консультироваться между собой, обмениваться своими материалами, а кроме того каждый из них, имея свою область изучения, не должен отбрасывать совершенно материалы по другим вопросам, ему случайно попавшие, а фиксировать их и тотчас же передавать сведения о них соответственному товарищу. Особенно важно создание таких коллективов при изучении быта небольшой народности или большой части крупного народа, когда приходится изучать не один этнографический район, а ряд их.

Серьезным вопросом является количество времени, необходимое для хорошего изучения быта, — все равно монографически или тематически.

Спорить о том, что самый лучший метод для этого стационарный, не приходится, но практически его трудно осуществить. Чтобы жить продолжительное время в определенном месте для сбора материалов, необходимо вести здесь какую-то работу, иметь службу в данном районе, конечно, не по специальности этнографа. Это, несомненно, даст возможность лучше сблизиться с населением, получить его доверие, войти в круг его интересов, полностью и глубже изучить его, но в то же время этнограф не будет иметь возможности отдавать все свое время исследованиям, ибо его будут занимать служебные обязанности по месту работы. Осуществить сочетание службы и проведения серьезных, многосторонних исследований весьма трудно — прежде всего для этого этнограф должен иметь две специальности: ученого-этнографа и какую-либо практическую. Чаще всего стационарные исследования проводятся местными людьми, но последние редко бывают достаточно подготовленными к проведению этнографических работ, и их сборы являлись только подсобными для специалистов сведениями корреспондентов.

Практически специалистам все же чаще приходится работать выездами — методом экспедиционным. Поэтому необходимо как можно лучше усовершенствовать этот метод. При монографических исследованиях, когда объектом является небольшой этнографический район, лучше всего посещать этот район несколько раз, в разные сезоны, оставаясь в нем недели две-три. Кроме того необходимо организовать сеть корреспондентов из местных людей, которые в промежутке между посещениями этнографа по его заданию вели бы некоторые наблюдения.

При экспедиционном исследовании более крупных территорий (территории обитания всего народа или крупной части его) необходимо разбить всю территорию на части и затем в каждой из них, а особенно в первый год исследований, посвятить значительное время для более детального изучения одного этнографического района. При изучении других районов уже можно применять метод сравнения, так как быт становится достаточно знакомым и в нем легче уловить общность с прежде изученным или его отличия. Желательно посещение уже изученных районов несколько раз, а также в различные сезоны года — это углубит познание. Конечно, хорошее изучение быта даже сравнительно небольшого народа требует многих лет работы, во всяком случае не менее 5—6 лет. Один же этнографический район можно при неоднократном посещении его неплохо изучить в 2—3 года. Многое здесь, конечно, зависит от опыта исследователя, но все же быстро, простым проездом, этнографические исследования вести нельзя, особенно всесторонне.

Нельзя также вести исследование быта, так сказать, в одной плоскости, т. е. изучая только современность, ибо все элементы, слагающие нацию, народ, в том числе и его быт, по выражению И. В. Сталина, «не с неба упали»¹, а являются результатом длительного развития в течение исторической жизни народа. Сбор материалов в одной плоскости даст лишь фотографию быта, а не его изучение и глубокое понимание. Необходимо изучать и историю быта, узнавать, как, под влиянием каких причин он изменялся, создавать при изучении современности некоторую историческую перспективу. Ведь социалистический быт в его национальных формах — не отрицание всего старого, он не строится на пустом месте. Нет, это дальнейшее развитие наиболее ценных форм его в новой исторической обстановке, в условиях новых социальных отношений. Не все в старом быту — «пережитки прошлого», теперь уже ненужного. Многое, что создал народ в прежнее время, есть основа его национального быта, которая переосмысливается в новых условиях, но не отбрасывается как ненужная. Это часть того вклада, который

¹ И. В. Сталин, Соч., т. II, стр. 336.

каждый народ, каждая нация, — все равно — большая или малая, вносит «в общую сокровищницу мировой культуры»². Надо только очень внимательно анализировать старое, проявлять большое политическое чутье в отборе того, что ценно и что ненужно, но без исторической перспективы глубоко познать быт народа нельзя. Народ не отказывается от своей прежней культуры — он перестраивает ее, создает много нового, но в то же время сохраняет и старое, что ценно и дорого ему как его национальная специфика, которая исчезнет только в отдаленном будущем, в период полного господства коммунизма на всем земном шаре.

Таковы некоторые соображения по затронутому вопросу, которые частично вносят добавления, а в большинстве развивают положения статьи П. И. Кушнера. В заключение еще раз отметим, что вопросом, поднятым нашим ведущим журналом, необходимо заняться весьма серьезно. Необходимо быстро и в то же время достаточно глубоко разработать методику этнографического изучения колхозного крестьянства, как можно скорее начать правильно организованные исследования социалистического быта советской деревни, быстро строящегося во всех уголках необъятного Советского Союза, у всех его многочисленных свободных народов.

Н. А. КИСЛЯКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗОВ

В своей статье «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства» П. И. Кушнер отмечает, что все те работы, которые были написаны за последние годы по вопросу изучения культуры и быта колхозников, не удовлетворяют ни специалистов, ни широкие массы читателей, и в то же время показывают, что наши советские этнографы не нашли еще методов и путей изучения колхозного крестьянства, а также не сумели определить ту специфику, которая подлежит этнографическому изучению в советской деревне.

Основных недостатков, которыми объясняется указанная неудача, автор намечает три. Эти недостатки вкратце сводятся к следующему: 1) сроки пребывания этнографа в поле явно недостаточны; 2) этнограф, задавшийся целью изучить колхоз монографически, наряду с изучением культуры и быта колхозного крестьянства занимается также исследованием производственных и экономических процессов, что не является спецификой этнографического изучения; 3) объектом монографического изучения для этнографа должно являться село, а не колхоз.

Первое из этих трех положений безусловно правильно. При изучении того или другого объекта наездом, хотя бы и в течение двух-трех лет, без достаточно глубокого проникновения в жизнь колхозного крестьянства, без длительного наблюдения и осмысления происходящих в быту колхозника процессов, трудно, да, пожалуй, невозможно дать настоящее исследование, посвященное быту и культуре колхозного крестьянства. Всякий этнограф, бывавший длительно в поле, хорошо знает, что полевая работа логически подразделяется на две части, на два периода.

Первый из них состоит обычно в сборе материалов, основанном на усиленных расспросах, которые группируются этнографом в соответ-

² Речь товарища И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации, «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.